

ВСЕ
НЕЧЕСТНЫЕ
СВЯТЫЕ

*Посвящается Дэвиду,
наконец-то*

КОЛОРАДО, 1962 ГОД

1

Чудеса лучше всего слышны после заката — в темноте они далеко разносятся. В этом смысле чудеса похожи на радиоволны. Мало кто понимает, что у обычной радиоволны и сверхъестественного чуда много общего. Предоставленные самим себе, радиоволны слышны на расстоянии в сорок-пятьдесят миль, не больше. Удаляясь от своего источника, они путешествуют строго по прямой и, поскольку Земля круглая, очень быстро расстаются с ее поверхностью и устремляются прямо к звездам. Разве все мы не поступили бы так же, получи мы такую возможность? Как жаль, что радиоволны и чудеса невидимы: только представьте, что за дивное получилось бы зрелище, если бы по всему миру протянулись прямые, ровные ленты чудес и звука!

Впрочем, не все радиоволны и чудеса ускользают никем не услышанные. Некоторые от-

скакивают от нижних слоев ионосферы: очень кстати колеблющиеся там в полной гармонии свободные электроны отталкивают их обратно на Землю под новыми углами. Таким образом, сигнал может вылететь из Росарито или Ногалеса, стукнуться головой об ионосферу, тут же оказаться в Хьюстоне или Денвере и вдобавок остаться таким же сильным. А если радиовещание ведется после заката? Многие вещи в этой жизни работают лучше в отсутствие назойливого внимания Солнца, и этот процесс из их числа. Ночью радиоволны и чудеса могут столько раз скакать вверх-вниз, что в некоторых непредвиденных случаях достигают радиоприемников и святых, которые находятся в тысячах миль от источников собственно радиоволн и чудес. Таким образом, случившееся в крошечном Бичо Раро¹ маленькое чудо может разноситься аж до Филадельфии, и наоборот. Что это — наука? Религия? Даже ученым и святым нелегко вычленишь разницу между этими двумя понятиями. Пожалуй, это неважно. Если вы сажаете невидимые семена, то вряд ли ожидаете, что все вокруг одинаково представляют себе невидимые

¹ Bicho Raro — чудака, чудик, сумасброд (*исп.*).

всходы. Намного проще просто признать, что они мирно растут.

В ночь, когда начинается наша история, и святой, и естествоиспытатель прислушивались к чудесам.

Тьма стояла хоть глаз выколи, так темно бывает лишь в пустыне, а трое кузенов Сория собрались все вместе в кузове грузовичка. Высоко над ними более крупные звезды выпихивали звездочки поменьше из их небесного дома, проще говоря, сыпались очаровательным дождем уже около часа. Чуть пониже небо чернело непроглядным мраком до самых зарослей кустов и колючек, покрывавших долину.

Тишину нарушали только отзвуки радио и чудес.

Грузовичок стоял, припаркованный посреди моря кустарников, в нескольких милях от ближайшего городка. Зрелище он из себя представлял не ахти какое — всего-навсего полинялый красный «Додж» 1958 года выпуска, хотя вид машинка имела довольно оптимистичный. Один задний габаритный огонь треснул. Правая передняя шина вечно была накачана меньше левой. На пассажирском сиденье темнело пятно, неиз-

менно пахнущее вишневой колой. На зеркале заднего вида висела маленькая деревянная алебрихе¹, полускунс-полукойот. На грузовичке стояли номерные знаки Мичигана, хотя находился он вовсе не в Мичигане.

Играло радио. Только не в кабине, а в кузове — зеленовато-голубой приемник «Моторола», взятый с кухонного стола Антонии Сория. Приемник был настроен на радиостанцию кузенов Сория: не ту, что им хотелось бы послушать, а ту, что они создали. Грузовичок служил им радиовещательной студией на колесах.

«Им, они». На самом деле грузовик принадлежал Беатрис Сория, и это была радиостанция Беатрис Сория. Это история про всех членов семьи Сория, но в большей степени про Беатрис. Пусть не ее голос летел по АМ-радиоволнам, зато именно ее мятущееся и неутомимое сердце приводило их в движение. Другие люди выражают чувства с помощью слез и улыбок, а у Беатрис для этих целей имелся напичканный радиопередатчиками грузовичок в пустыне Колорадо. Если Беатрис случалось порезаться, акустические колонки в грузовичке истекали кровью.

¹ Алебрихе — ярко раскрашенные мексиканские народные игрушки, изображающие фантастических зверей.

— ...если вы устали от песенок, которые поют только ради дрыганья, — пообещал между тем диджей, — вы найдете нас сразу после заката, но до восхода.

Голос принадлежал самому юному из кузенов, Хоакину. Шестнадцатилетний Хоакин полагал себя взрослым и серьезным и предпочитал, чтобы остальные воспринимали его всерьез. Милловидный и чисто выбритый, он прижимал наушники к одному уху, дабы не испортить прическу — высоченный «помпадур», как у Элвиса. Два электрических фонарика освещали его золотистым светом, точно очень маленькие сценические прожекторы, а всё прочее тонуло в фиолетовом, синем и черном. Хоакин носил ту же рубашку, в которой ходил последние пару месяцев: красный экземпляр в гавайском стиле с коротким рукавом; ворот рубахи был поднят.

В единственном фильме, который Хоакину удалось посмотреть в 1961 году, один герой носил рубашку именно так, и молодой человек поклялся воссоздать тот образ на самом себе. У его ног выстроился целый лес бутылок из-под газировки, наполненных водой. Хоакин до дрожи боялся обезвоживания и, чтобы справиться с этой фобией, постоянно носил с собой запас воды на несколько дней.

С наступлением темноты Хоакин Сория становился другим человеком. В колесившей по пустыне передвижной радиостанции он называл себя Дьябло Дьябло. И мать, и бабушка Хоакина были бы глубоко шокированы, узнай они об этом диджейском псевдониме, потому-то на него и пал выбор. Вообще-то, подобная смелость немного шокировала самого Хоакина. Чувство близкой опасности приятно щекотало нервы всякий раз, когда он произносил эти два слова, ибо в душе его жило суеверное убеждение, что дьявол и впрямь может явиться, если в третий раз прошептать «дьябло».

Вот чего хотел Хоакин Сория: стать знаменитым. Вот чего он боялся: умереть в одиночестве на испепеляющем песке, за пределами Бичо Раро.

— ...новые песни и мечты, — продолжал голос Дьябло Дьябло, — самые горячие мелодии шестьдесят второго, от Дель-Норте до Бланки, и от Вилла-Гроув до Антонито, музыка, которая спасет ваши души.

Двое других находившихся в кузове кузенов, Беатрис и Даниэль, подняли брови. Подобная заявка на покрытие всей долины Сан-Луис пахивала явным обманом, но интересы Хоакина тяготели скорее к вещам приятным, пусть и воображаемым, нежели к тому, что существовало на

самом деле. Да, их радиостанция не покрывала всю долину, но как прекрасен был бы этот мир, если бы она ее покрывала!

Даниэль чуть пошевелился, пытаясь устроиться поудобнее. Кузены сидели в кузове грузовичка, почти соприкасаясь коленями, и из-за этой вынужденной тесноты длинная ступня Даниэля нечаянно сдвинула с места одну из бутылок с водой. Металлическая крышечка ударилась об пол, заплясала на горлышке — как нарочно, того и гляди откроется. Лежавшие на полу провода шарахнулись в разные стороны, спасаясь от воды. Казалось, беда неминуема. Хоакин схватил бутылку и погрозил ею Даниэлю.

— Не сломай грузовик, — предупредил он. — Машинка новая.

Грузовик был далеко не новый, а вот статус радиостанции для него действительно был в новинку. До того как на грузовик обрушилась такая ответственная роль, им пользовалась семья сестры жены брата Аны Марии Сория, чтобы развозить братьев Алонсо с покрасочных работ по барам. От такой скукотищи грузовик устал и сломался, а поскольку братья Алонсо предпочитали красить и пить, вместо того чтобы поднять грузовичку настроение, машину бросили зарастать сорняками. По правде говоря, за это время

грузовик собрал столько влаги, что хватило бы на маленькое болото, на его крыше и капоте быстро разрослись тимофеевка и осока, и машина возвышалась посреди пустыни, точно огромная болотная кочка. Животные приходили издалека, преодолевая много миль, чтобы только пожить в этом оазисе: сначала бобер, потом двенадцать леопардовых лягушек, чье кваканье походило на скрип кресла-качалки, потом — тридцать форелей-головорезов, которые так жаждали обрести новый дом, что пришли к грузовику через всю долину. Довершило картину прибытие четырех дюжин канадских журавлей ростом с человека, только шуму они производили в два раза больше. Из-за царившего в этом болоте гомона никто не мог заснуть ни днем ни ночью.

На Беатрис возложили задачу разогнать животных.

Тогда-то она и обнаружила под всем этим разнообразием грузовик. Беатрис восстанавливала грузовик медленно, поэтому животные выселялись постепенно, и новая топь едва ли заметила, что ее попросили на выход. Вскоре большинство членов семьи Сория вообще забыли про шум; даже сам грузовик почти исчез из их памяти. И хотя на деревянном полу до сих пор краснели круги ржавчины, оставленные бан-

ками с краской, единственным воспоминанием о том времени, когда грузовик был маленькой экосистемой, служило яйцо, которое Беатрис обнаружила под педалью газа. Огромное, размером с кулак, пятнистое, словно луна, и легкое, как воздух. Беатрис сделала для него гамак из тонкой сетки для волос и повесила в кузове грузовика — на счастье. Теперь яйцо раскачивалось туда-сюда над радиопередатчиками времен корейской войны, полученными через третьи руки кассетными магнитофонами, сломанными проигрывателями пластинок, перегоревшими лампочками, резисторами и конденсаторами.

Дьябло Дьябло (*Дьябло!*) тихо, проникновенно вещал:

— Затем вас ждет кое-что из творчества группы The Drifters — мы послушаем песню *Save the Last Dance for Me...* но мы на этом танцевать не заканчиваем, поэтому оставайтесь с нами.

Вообще-то, Хоакин не поставил пластинку The Drifters, хотя объявленная песня действительно зазвучала: заработал один из магнитофонов. Вся сегодняшняя программа была заблаговременно записана на кассету, на случай, если радиостанции придется в спешке сниматься с места. Федеральная комиссия по связи пессимистически относилась к тому, что американская